

**Формирование оппозиции в высшем командном составе русской армии в годы
Первой мировой войны.**

Научный руководитель – Айрапетов Олег Рудольфович

Сергушкин Сергей Сергеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России XIX – начала XX века, Москва, Россия

E-mail: sergs934@mail.ru

Роль высшего командного состава русской императорской армии в Февральской революции прослеживается в целом ряде исследований [2, 8], но все же многие детали, важные для понимания тех событий, не рассматривались ранее в исторической литературе. Очевидно, что оппозиция короне среди генералитета начала формироваться задолго до отречения Николая II: в основном этот процесс в историографии иллюстрируют через зарождение и укрепление контактов военных, в первую очередь М. В. Алексеева, начальника штаба Верховного главнокомандующего, с оппозицией [1, 2, 6]. Но эта «политическая» сторона явления отнюдь не была единственной. Перспектива победоносного выхода страны из Первой мировой войны занимала генералов не менее, чем политические интриги. Причем в вопросе о власти было принципиально: сможет ли Российская империя закончить войну при сохранении самодержавия?

Весной 1916 г. между М. В. Алексеевым и главнокомандующим армиями Западного фронта А. Е. Эвертом разгорелась дискуссия, в рамках которой завуалированно дебатировался именно этот вопрос. Особенную актуальность ей придает тот факт, что в решающие дни февраля генералы придерживались различной стратегии поведения - Алексеев был ключевой для свержения царской власти фигурой, а Эверт вел себя весьма осторожно, не поддерживая активно действия своих коллег, направленные против императорской власти.

Данный исторический сюжет позволяет осветить один из аспектов проблемы формирования оппозиции Николаю II в среде высшего командного состава не только по «политической линии», но и по «военной». Основу источниковой базы доклада составляют материалы переписки Ставки и штаба Западного фронта.

В телеграмме №2468 от 3(16) мая 1916 года Алексеев поделился со своими подчиненными письмом офицера, служащего в действующей армии и весьма критически оценивающего ее состояние. При этом генерал отмечал, что те сведения, которые доходят до него, подтверждают искреннюю правдивость автора письма [7, л. 125 - 132 об.]. Этот документ в полной мере отразил процесс смены идейных установок, которыми руководствовался начальник штаба Верховного главнокомандующего.

Алексеев еще на посту главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта высказывал концепцию, согласно которой «Россия может выдержать потери, какими бы большими они ни были, почти неопределенно долго, и что она, в случае необходимости, будет брать на себя бремя уничтожения немецкой волны снова и снова, зная, что каждый приступ неприятеля приводит его к окончательному истощению» [11, р. 67]. После краха крупного русского наступления в районе озера Нарочь, Михаил Васильевич разочаровался в подобном подходе.

На первый план для него выходило качество управления имевшимися в распоряжении Российской империи ресурсами, как материальными, так и людскими. Разделяя настроенные письма, Алексеев видел тому множество препятствий. Вероятно, одним из важнейших

являлся самодержавный строй, который не мог организовать эффективного управления армейским тылом. Конечно, этот вопрос не обсуждался открыто, но подоплека высказанного в письме мнения очевидна.

Оппонент Алексеева - генерал Эверт, напротив, доказывал, что подобные суждения - удел недовольных «с подорванной нервной системой» [7, л. 176]. Его позиция в данной дискуссии опровергает историографический штамп, согласно которому после провала наступления в районе озера Нарочь в марте 1916 г. Эверт морально «сломался», потерял веру в себя и свои войска и в результате не решился оказать своевременную поддержку Брусиловскому прорыву [3, с. 422, 4, с. 31, 5, с. 44, 10, р. 231]. Главнокомандующий армиями Западного фронта в очередной раз выказал решимость «потребовать от войск неизбежную жертву» [7, л. 177]. Даже А. А. Брусилов не продемонстрировал в своем ответе на телеграмму столь большую уверенность в войсках, отметив, что в письме «много правды» [9, с. 204].

Не удивительно, что в решающие дни Февральской революции Алексеев сделал все, чтобы изолировать Эверта от развернувшейся вокруг императора политической игры. Главнокомандующий армиями Западного фронта оказался в информационной блокаде, и, в конечном итоге, вынужден был принять сторону победителей.

Источники и литература

- 1) Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М.: Модест Колеров и «Три квадрата». 2003.
- 2) Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Том 4. 1917 год. Распад. М.: Кучково поле. 2015.
- 3) Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 2. Париж, 1939.
- 4) Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 4. М.: Голос. 1994.
- 5) Оськин М. В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 30–51.
- 6) Оськин М. В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М.: Вече. 2016.
- 7) РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55.
- 8) Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II // Между дух революций. Нестор. № 3. 2005. С. 215–272.
- 9) Черкасов П. В. Мировая война 1914–1918. «Луцкий прорыв» Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 года. М., 1924.
- 10) Stone N. The Eastern front 1914–1917. Lnd., 1974.
- 11) Washburn S. Field notes from the Russian front. Lnd., 1915. Vol. 2. P. 67.